

Анатолий Добрович

РАСПЛАКАТЬСЯ И ВНОВЬ ПУСТИТЬСЯ ЖИТЬ

Александр Верник. «Сад над бездной» (сетевое переиздание, 2018)

В стихах Александра Верника господствуют разговорная речь и интонация естественной беседы (вопрос, утверждение, сомнение, недоумение, протест, ирония, грубость, ласковость – всё, что свойственно живому общению). Но почти после каждого стихотворения внутри вас остается некая вибрация. И вы понимаете, что разговорный тон – это мнимость, а за ним проступает переживание, не переводимое на язык обыденного мировосприятия и говорения. «Долгие проводы - лишние слезы, /летние туфли по снегу елозят, /ближневосточной грязи./ Господи, проне-си»... Почему возникает ком в горле?

Тексты, вообще говоря, сравнимы с веществом: оно может быть твердым телом, жидкостью, газом. Но когда речь идет о подлинной поэзии, это плазма. Плазма производится в космосе (один из ее доступных зрению обликов – северное сияние), а здесь, на земле, она создается и удерживается особыми стараниями физиков, то есть складывается не сама по себе. Вот и поэзия Александра Верника существует как бы не сама по себе, а под влиянием малопонятных обстоятельств, которые мы называем талантом; черт его знает, может, и талант имеет космическое происхождение? Поэт, конечно управляет своей речью, но процесс стихосложения его ли собственной воле подчиняется? Одно из свойств плазмы – свечение. Свечение стихов Верника пронизывает меня уже три десятилетия, и не ослабевает со временем.

Поэтому, когда поэт Юрий Колкер создает электронное факсимиле книги своего друга, поэта Верника, нет смысла спрашивать, когда она вышла в бумажном виде. Когда бы ни вышла, она продолжает волновать. Почти все эти стихи я помню наизусть. И не знаю, как объяснить их магию. Возьму для примера стихотворение «Романс» (целиком):

Полет ночной, спаси аэроплан!
Небес развертка в пятнах маскхалата,
но самолету чудится Монблан
в роскошествах восточного заката. .
В округлостях холмов сокрыт обман,
ищите женщину. Она не виновата.
Столь резок переход от света к тьме,
что самолету кажется вполне
бездарной песня о друзьях-пилотах.
Он знает, что пилота не спасти,
и по ночам, когда находит стих,
гудит романс о смерти самолета.
Приёмничек расхлябанно поет,
наследие британского мандата.
А мальчик собирается в полет,
он подтвердил: она не виновата.
Его, по тексту, точно в пять убьет.
Таков романс. Ночной полет, расплата,
кремнистый путь, холодная рука
и на погонах крылья мотылька.

1984

Эти стихи не отпускают, боль в них неподдельна, а речь близка к обыденной. На мой взгляд, здесь «весь Верник»: он не разрешает себе патетики и постоянно готов к самоиронии. При этом позволяет слетаться в стаю неконтролируемым ассоциациям и подвергает их таинственному отбору (один из критериев отбора: банальности недопустимы). И вот, автор, летчик, самолет и полёт сливаются воедино. Кто гудит, на кого находит стих, кому кого спасать, кому что видится, либо чудится, – ну, ясно же. Если уточнять, провалимся в прозу, а здесь - стихи, и более того, романс - жанр, отбрасывающий свой ответ на говоримое. Ответ, зловеще контрастирующий с гибелью мальчика, на чьих погонах крылья мотылька. Песня о друзьях-пилотах перед лицом этой неотвратимой гибели – де-

журная пошлость, и самолету с поющим радиоприемником, наследием британского мандата, она справедливо кажется вполне бездарной. За округлостями холмов мальчику мерещится женщина, но вслед за ироническим «ищите женщину» исходный смысл этого выражения отрицается. Она не виновата ни в глазах летчика, у которого, может быть, и женщины-то еще не было. Ни как повод отправиться в боевой полет над обманчивой буколичностью холмов, при закате в пятнах маскхалата. Ни как причина предстоящей гибели пилота: причина эта далека от романтических сфер. «Он подтвердил, она не виновата» - он был предназначен для любви, не для гибели. Его смерть – расплата за независимость страны его народа. А кремнистый путь...Это ведь из культуры другого народа. Намекает ли поэт на то, что летчик – выходец из страны, где читают Лермонтова? Или кремнистый путь для русского литератора – привычный символ душевной чистоты, одиночества и отваги? Но он и для нас, русскочитающих, такой же символ, выходит, мы поняли друг друга... Его по тексту точно в пять убьёт. Убьёт взапрправду, не «по тексту» - как бы не так. Однако ж перед вами романс, вот и соединяйте сами текст с реальностью. Смотрите-ка, я, почитатель Александра Верника, наговорил об этом стихотворении с три короба. И что? Охватил ли я хотя бы часть вызываемых им ассоциаций? Но сколько бы и кто бы о нем ни говорил, воспроизвести его свечение не удастся. Потому что взаиморасположение в нем слов и звуков обусловлено ионизированным пространством поэтической плазмы. Стихи остаётся лишь перечитывать, про себя и вслух. От повторения они не тускнеют.

Александр Верник стихи не пишет, а записывает. После того, как они сложились и получили одобрение в голове. Всё решает взаиморасположение смыслов и даже звучаний. Помню, он допустил меня к этому процессу расстановки слов в пространстве, когда я обсуждал с ним начало стихотворения «Дом»: «Не по холоду плачь, не по холоду, а по молодому голосу своему». Оказывается, в усиливающих друг друга созвучиях «холо», «моло», «голо» он уловил нечто неотменимое. Почему? Это не вопрос. Поэту видней. Он понял, что надо так, а не иначе. И стихи

состоялись. Он, среди прочего, виртуоз интонации. У него любовное стихотворение может начинаться так: «Стрекоза ночная, (а бывает!)/ И одёжка по углам летала». Почему-то я покорен этим «а бывает». Нет смысла пускаться в объяснения.

В случае Верника талант талантом, а вдобавок перед нами и личность, какую поискать. В стихах (впрочем, как и в дружеской беседе) он искренен до беспомощности, до незащищенности. Изысканный интеллект, мудрый готовностью усомниться в себе, прикрыться самоиронией. Яркий, сложный, многомерный собеседник, не лишенный при этом – верите ли? – юношеской застенчивости. Человек мужественного склада, умеющий быть решительным, но способный уступить, пересмотреть, поддаться порыву. Ставящий понимание и сопереживание выше надуманных абстракций. Вся эта личностная «материя» безусловно определяет смысл и тон сочиняемого, будь то его стихи или проза. Он остро нуждается в высказывании – порой в жалобе, в протесте, в возгласе муки или счастья, но филологическая эрудиция и редкое знание поэзии (кого только не читает наизусть!) не позволяют ему вольничать, допускать суесловие, мириться с какой бы то ни было подражательностью. «Мне не поднять руки – мешает знанье./ Мне слова не сказать – мешает ремесло». Мастер, преодолеваемый сомнениями, не дающий себе спуску, он по-настоящему страдает, когда не пишется. Мы с ним друзья, я знаю. Но этот прыгун в высоту не допустит снижения планки. И не в амбициях тут дело, а вот в чем: «лишь бы прыгнуть» ему глубоко не интересно. Не в бирюльки играем. Либо поэзия требуемого уровня, либо молчок.

Молодым харьковчанином он входил в окружение Бориса Чичибабина, но относить его к «ученикам» поэта – натяжка. В каком-то смысле, все пишущие – ученики тех, кто в прошлом прославился в литературе, но Верник даже в ранних стихах не был похож на обожаемого им Бориса Алексеевича. Зато дружба между ними только росла с годами, хотя поначалу Чичибабин не одобрял отъезд Александра в Израиль (1978 год). Впоследствии он гостил у Верника в Иерусалиме и искренне полюбил нашу страну. Александр же побывал в ней и сторожем, и солдатом-резер-

вистом, и государственным служащим, и представителем Сохнута (еврейское агентство). Но остался, в первую очередь, русским поэтом, вызывающим восхищение читателей. Иные после авторского выступления подходят пожать ему руку, обнять его. Стихи Ал. Верника публиковались и в Израиле, и в Париже, и в Нью-Йорке, и в Москве, и в Ленинграде. Изданные им 3 стихотворных сборника разошлись мгновенно. Автор раздавал свои экземпляры так щедро, что едва ли у самого сохранились все три. Иерусалим стал его подлинным, естественным и любимым домом. Это и есть его «сад над бездной» - и в переносном, и в буквальном смысле (поистине «сад на горе» - вы ведь бывали в Иерусалиме, где, по Вернику, «все ручьи не утоляют жажды»). Он не мыслит себе жизни в другом месте. «Российские просторы мне не снятся,/ меня пугают долгие срока -/ уйти в запой примерно в восемнадцать,/ опохмелиться после сорока». И все же языковое и ментальное родство со страной исхода нет, а дает о себе знать, и на поэта находит грусть по утраченному. Иногда он словно просыпается не в том месте, где засыпал, и ему не хватает привычных вещей, вплоть до «чахлого клёна». «Видать, в облюбованной Богом стране/ что-то не больно можется мне./Всё остальное – больно». Он не скрывает этого ни от себя, ни от читателя. Он, вообще, правдив и по складу души открыт трагической стороне жизни. Есть тягость бытия, наплыв разочарования, морока болезней, жуть ухода близких, непроходящая вражда народов на Ближнем востоке. Ему приходит в голову: «Было б разумно не жить вполне. /Впрочем, живу добровольно». Его выбор: «Расплакаться, и вновь пуститься жить/ мучительно, прекрасно, бесполезно».

Поэтический голос Верника для меня – полнозвучие меланхолической виолончели. А читателя, открывшего по ссылке «Сад на бездной» ждут совершенно удивительные стихи. О любви и оставленности. О неуютном устройстве мира. О том, как он прекрасен. О жалости к себе и насмешке над собой. О странных животных, населяющих «Живой уголок». Об искусстве поэзии и противостоянии мраку. О судьбе поэта, который числится чиновником. О нежности к близким, к женщинам, к

друзьям... Да неважно, в сущности, о чем: это яркие, щемящие стихи с непредсказуемой образной системой и лексикой, с волнами эха в ответ на возглас, который поэт обращает на все четыре стороны. И я по-настоящему рад за тех любителей поэзии, для кого эта книга окажется в новинку.

2018

Александр Верник.

Сад над бездной